

Автор благодарит за консультации комиссара-дивизионера парижской полиции Виктора Вагнера

90-м годам нашей Истории посвящается

Я.

Я я я я я я яяяяяя...

Не думайте, я не сошла с ума. Просто к своему Я при-
выкаю.

Я родилась, Я влюбилась, Я умерла...

Я пишу роман.

Хоть это и очень странно. Вот уж не думала записаться в писатели.

Это Вячеслав Сергеевич из ФСБ (вы о нем еще ничего не знаете) настоял: «У вас сюжетик в руках — чистое золото! Пишите роман, девушка, я вас порекомендую в издательствах, у меня есть связи...»

Ну и порекомендовал.

А в издательстве порекомендовали писать роман от первого лица. От моего, то есть личного лица. Весьма хорошенького, между прочим.

Я долго не понимала: это как же? Я, я, я — так, что ли? Но ведь одно дело написать: «Жила-была девочка, белобрысая и худая, и звали ее Олей». И совсем другое дело: «Жила-была я, белобрысая и худая, и зовут меня Оля». Ерунда, согласитесь, получается...

А мысли?! В романе же они нужны? Но у меня такие мысли бывают, что мне самой плохо делается от их глупости!

Да и как описывать события, которые без тебя происходили? Его, этого «я», там не было, как же оно может описывать то, чего не видело?

Но — умные люди объяснили, убедили, все сомнения развеяли.

Ну я и написала...

Часть I

МОСКВА—ПАРИЖ

Глава I

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ (Почти как у Толстого, но очень коротко)

Жила-была я, белобрысая и худая, и звали меня Олей.

Впрочем, меня и сейчас зовут Олей, и я до сих пор жива, хоть это странно, после всего того, что со мною приключилось. За это время я несколько раз чуть концы не отдала.

Нет, неправильно, в романах пишут так: чуть не лишилась жизни.

Итак, я худая и высокая. В детстве я жутко комплексовала перед женскими портретами в Третьяковке, глядя на тонкие, нежно светящиеся лица и округлые покатые плечи, выступающие из великолепных кружев... Потому что у меня торчат косточки в плечах, а локти и коленки такие острые, что об них можно уколоться. Моя мама, полненькая хлопотунья (в кого это я уродилась такая шкетка!), с сожалением в голосе говорила: «Худышка ты моя, личико-то у тебя еще ничего, а вот тельце — как у муравья!» Бабушка моя, еще более кругленькая хохлушка, к которой я ездила в деревню под Полтавой, каждое лето горестно качала головой и называла меня «худорба», стараясь за короткое время каникул впихнуть в меня побольше сметаны и вареников. Папа мой не говорил ничего: они развелись с мамой еще в пору моего нежного детства, и поскольку он был человеком сильно пьющим, то не интересовался ничем, кроме водки.

Но мне повезло: подросла мода на худых, и ближе к концу школы я стала самой модной девочкой не только в классе, но и в школе.

Конечно, не только потому, что я была худая. Я была еще высокая. И льняные — некрашенные, заметьте! — волосы спадали по моим худым плечам пышной гривой. Да и глаза у ме-

ня ничего... Голубые. Ресницы-то белые, брови тоже, и до старших классов я была бесцветная, как моль. Но потом освоила технику макияжа и...

Свежевылпившаяся грудь уже круглилась под моей белой кружевной кофточкой, которую я нахально выдавала за «пионерскую». А короткая юбка открывала почти всю длину моих стройных и слегка голубых ног — кожа у меня белая и тонкая, и вены через нее просвечивают, как через капрон. Но летом под загаром не заметно, а зимой под чулками не видно. Кажется, это был последний год пионерских форм и пионерии вообще.

Что же касается моего характера, то он, как говорится, закалился в боях. А бои были, мои личные бои, да какие! А все дело в том, что мама сумела меня пристроить в английскую спецшколу. Уж не знаю, в чьи задницы маме пришлось делать уколы (она у меня медсестра), чтобы меня в эту школу взяли... Но взяли. И я оказалась в революционной ситуации: я была пролетаркой, бледной и худой, одна против буржуазии. Тогда их так не называли, но это была буржуазия: детки завмаг и завсклад, как говорил Аркадий Райкин (вернее, как за ним повторяла моя мама, самого актера я помню довольно смутно). Они переняли у своих родителей высокомерные замашки и фальшивые вежливые лица, они знали, как жить и как себя держать, какой надо вилкой-ложкой-ножкой; они судили, по-старушечьи поджав губы: это вульгарно, это неприлично, и косились трусливыми глазами на меня.

Трусливыми, потому что знали, что я могу и треснуть. Я была проста, как Ленин, который был прост, как правда.

Но постепенно я научилась не обращать на них внимания, я научилась внутренне защищаться, научилась не изменять себе и не терять достоинства в любых ситуациях. Уж как это было трудно, всему этому научиться, — рассказывать не стану, а то я так до своей истории «чистого золота» не дойду. Скажу вам только, что мне это удалось, потому что, как в мультяшке, «птица Говорун отличается умом и сообразительностью», где под птицей Говорун я подразумеваю себя лично.

Одним словом, маленький гадкий и очень закомплексованный утенок превратился потихоньку в лебедя.

Со мной стали не просто считаться — передо мной стали заискивать те самые девицы, которые раньше обливали меня презрением за мои худые коленки, белые ресницы, бед-

ные одежды и неумение (и нежелание) подлизываться и интриговать. Меня вдруг начали осыпать комплиментами — и какая-де я красивая, и какая-де прямая, и положиться на меня можно, и дружить со мной очень хочется...

Да только поздно. Теперь мне не хочется.

С парнями я тоже не дружила — сами понимаете, какая дружба может быть, если ты являешься предметом восхищения и влюбленности почти всех пацанов от младших до старших классов! И, признаться, без малейшей взаимности с моей стороны.

Мужчины вообще ко мне липли. В школе, во дворе, на улице, в транспорте. Передо мной тормозили машины, распахивались двери, и оттуда высовывались самодовольные морды «новых русских» — так их прозвали уж не знаю отчего. Кто каким был, тот таким и остался, ничего нового. Только деньги в карманах завелись — вся и разница. Я, глядя на них, клялась, что никогда ничего общего со мной эти мужики иметь не будут!

И напрасно.

То есть не совсем, но... Впрочем, сейчас вы все поймете, потому что я вам все расскажу.

Дело было зимой. Я тогда училась в последнем классе, в одиннадцатом. Народ собирался на тусовку на старый Новый год, 1991 год, у одного из наших парней — сынка богатеньких родителей. Родителей, разумеется, дома не было: они сами ушли куда-то праздновать, а нам свою квартиру предоставили.

Все было чудесно, мы ели, пили, танцевали, смеялись и целовались с парнями. Мне ужасно нравилось, что за мной ухаживают, что в меня влюблены, но мне никто из них не был интересен. Я не торопилась расставаться ни со своей невинностью, ни со своей свободой, а для утешения моего девического самолюбия у меня и так было все, что нужно. Единственно, чего у меня не было, — это хорошей шубы — я донашивала еще с восьмого класса старую цигейковую шубенку, маловатую и потертую, — и карманных денег. А красивые шмотки, представьте себе, были — мне мама шила, да как! Фирменно.

Из-за денег и из-за шубы я комплексовала немного, но совсем чуть-чуть, самую малость.

В тот вечер я напилась. Нечаянно. Не заметила, как это получилось. Пила что-то сладкое, вроде лимонада, и вдруг у меня стала кружиться голова и меня начало пренеприятнейшим образом подташнивать. В темной комнате мотались вспышки цветомузыки, я почти висела на шее у Вадика, хозяина квартиры, танцуя с ним медленный танец, и он все больше прижимался ко мне, целуя меня куда-то за ухо, и я не сопротивлялась этому, потому что была самым искренним образом озабочена. Только моя озабоченность не имела ничего общего с сексуальной: чувствуя, что мне становится все хуже и хуже, я боялась сделать лишнее движение и пыталась сообразить, что можно предпринять в подобной ситуации. И потому я не сразу поняла, что в комнате произошло какое-то замешательство. Потом до меня дошло, что все как-то притихли и музыку приглушили.

Я оглянулась. В дверях комнаты, в проеме яркого с непривычки света, падавшего из прихожей, стоял мужчина лет под тридцать в дубленке нараспашку. И смотрел прямо на нас, на Вадика и на меня.

— Дядя, — оторвав свою щеку от меня, сказал Вадик пьяно, — что ты здесь делаешь?

«Дядя» гаркнул весело: «Здравствуйте, детишки», и направился к нам, протянул мне руку:

— Игорь. Дядя Вадика.

— Ольга, — сказала я кокетливо и вдруг поняла, что, хотя я уже не танцую, а стою на месте, комната продолжает кружиться у меня перед глазами. И еще я поняла, что меня уже не подташнивает, а тошнит. — Пора расходиться, — сказала я сдавленно. — До свидания, мальчики, до свидания, девочки, до свидания, дядя!

И я кинулась почти бегом к дверям квартиры: не хватало еще только, чтобы меня вытошнило прямо на глазах у этого дяди!

Я ринулась вниз по лестнице, из подъезда, в снег. За моей спиной неслись крики Вадима: «Постой! Ничего не кончилось! Ты не поняла! Дядя просто так зашел!» Это он, к счастью, ничего не понял, Вадим. Я содрогалась от рвоты.

Когда болезненные рывки внутри меня прекратились, я замела ногой снег на отвратительное пятно — хорошо, что Вадиковы соседушки уже спят и никто, похоже, меня не ви-

дит! — и тут в поле моего зрения, на фоне белого снега, появилась рука в рыжем дубленочном рукаве и протянула мне чистый платок.

Я повернулась. «Дядя Игорь» стоял у меня за спиной, без улыбки и без заигрывания, но и не хмуро смотрел на меня.

— Все в порядке? — спросил он меня спокойно.

Я кивнула.

— Тебе надо что-нибудь выпить, чтобы убрать неприятный вкус во рту, — сказал он. — Садись. — И он открыл дверцу машины, которая стояла тут же, у подъезда.

Меня бил озноб. Я хотела спросить, куда он собирается меня везти, но у меня не было сил. Он был не посторонний человек, все-таки дядя Вадима, и я доверилась его опеке. Не моей же мне было, в самом деле, идти на глаза к маме. Она потом полночи будет валокордин пить.

А приехали мы в ресторан. В такой ресторан, который я только в кино видела. Я даже не знала, что в Москве такие существуют — уже.

Сначала подлетел гардеробщик и снял с меня мою старую позорную шубу — будто дорогой подарок развернул, бережно и осторожно. Потом подошел другой человек в галстук-бабочке, сказал: «Добро пожаловать», и повел нас наверх по лестнице, усталой ковром. Сверху доносились музыка и вкусные запахи.

Зал был полон цветов в вазах. Играл оркестр. На площадке перед ним топтался разодетый танцующий народ.

Человек в галстук-бабочке провел нас за столик, и его сменил усердный официант. Только теперь до меня дошло, что Игоря здесь знают: здороваются с почтением, которое не афишируется, но чувствуется. Он заказал себе какую-то еду, а мне... чаю с лимоном. Но мне ничего другого и не хотелось в тот момент, с этим он угадал.

Я выпила два стакана, приходя в себя и рассеянно глядя на танцующих. Игорь изредка говорил что-то ненавязчивое. Он объяснил, что зашел к Вадиму просто так, потому что был рядом, через два дома, у каких-то знакомых, и решил заглянуть к старшему брату, коим ему приходится отец Вадима. Еще он сказал, что пить вредно, вернее, пить вообще-то не вредно,

но вот *напиваться* точно вредно. Потом стал объяснять, в какой момент нужно остановиться, чтобы не получилось слишком поздно. Затем спрашивал про школу, про то, что я собираюсь после школы делать (Что? Я сама не знала...), говорил про иностранные языки, про новое поколение, про рыночную экономику... Я смотрела на него и думала о том, что он относится к тому редкому типу блондинов, у которых волосы вьются мелко, как у негра, отчего его русый и курчавый ежик стойко торчал без всяких лаков, придавая лицу Игоря голливудский шик. Серые глаза смотрели мягко, улыбка лучилась обаянием и от ямочки на подбородке веяло добродушием... Симпатичный мужик, одним словом.

Я засыпала. Тепло от горячего чая разлилось по телу, озноб исчез, боль от спазмов уже прошла, нервничать я тоже перестала, ну глаза и стали закрываться.

Игорь отвез меня домой и попрощался перед моим подъездом. Он ни на что не намекал, не просил свиданий, ни номера телефона, наоборот — он меня поблагодарил за вечер, как будто я его осчастливила тем, что меня стошнило на его глазах... Чудной!

А потом...

Примерно через неделю он появился у меня на пути от школы к дому. Он топтался на снегу, ожидая меня, и я узнала его издали, его дубленку, его русый ежик и его машину, припаркованную рядом. Это были белые «Жигули», вероятно, последней модели, я в них не разбираюсь.

Он мне улыбнулся и шагнул навстречу.

— Как ты? — спросил он.

— Хорошо, спасибо.

Девочка-прилежница — это я. Глазки опустила и слегка покраснела.

— Чувствуешь себя нормально?

«Тоже мне Красный Крест, — думаю. — Примчался узнать о моем здоровье!»

— Нормально.

И иду себе, не сбавляя шага. Он за мной.

— Я, — говорит, — не хочу, чтобы ты обо мне плохо думала...

— С чего это мне... — вскинула я глаза.

— Погоди, не перебивай! Я принес тебе маленький подарок, он ждет тебя дома. Я твоей маме отдал.

— Подарок? Маме? И что она сказала?!

— Не волнуйся, я представился как посыльный.

Я с сомнением окинула его взглядом. Посыльный. В дубленке, без шапки (из машины-то можно себе позволить пройти десять метров по морозу!), с запахом дорогого одеколона и с холеной бритой мордой, красивый молодой мужик... Бедная моя мама! Сколько валокордина она уже проглотила?

— Посыльный — от кого?

— Я сказал — не знаю. Сказал — велено доставить по вашему адресу для Ольги Самариной.

— Глупость сделали. Моя мама к таким вещам не привыкла, ее инфаркт может хватить. И, собственно, с какой это стати мне подарки? От вас?

— Видишь ли, Оля... — Он слегка сконфузился. — Я такой человек... Импульсивный, что ли... Ты — красивая девочка, мне попала красивая вещица, как раз для тебя... Я не устоял. Ты не должна думать ничего плохого, из этого ровно ничего не следует. Этим я себе лично доставил удовольствие и прошу тебя — очень прошу — не отказываться... Мне это ничего не стоит, и тебя, повторяю, ни к чему не обязывает... Ладно?

— Посмотрим, — сухо ответила я. — А адрес мой у вас откуда? Вадька снабдил?

Я была не на шутку сурова. Я очень старалась. Очень старалась не показать, что мне понравилось, что мне дарят подарок.

Мы были уже возле моего подъезда. Он мне протянул руку, даже целоваться не полез. Я пожала и быстро ушла. Как там мама, бедняжка, после «посыльного»?

Мама сидела в большой комнате и созерцала здоровенный пакет в подарочной бумаге. Такую бумагу я видела впервые в жизни: красная, с вытисненными на ней золотыми колокольчиками и свечками с золотыми огоньками. Мама сидела, уставившись на этот пакет, не смея, видимо, к нему прикоснуться.

— Аленка! — сказала она испуганно, будто внутри могла быть спрятана бомба. — Что это?

— Не знаю, — сказала я. — Один придурок прислал мне подарок.

— И что в нем? — с еще большим испугом спросила мама.

— Давай посмотрим, — предложила я.

Я долго бережно разворачивала нарядную обертку, стараясь не порвать в тех местах, где были склейки скотчем — бумажечку эту я положила потом в шкаф, мало ли, пригодится еще что-нибудь завернуть. Под ней была еще другая, мягкая светлая бумага. Развернули и эту, уже не церемонясь.

И ахнули обе, и упали на стулья по разные стороны стола.

На столе легкой пушистой горкой лежала шуба из голубых песцов.

Только вот не надо, пожалуйста, мне говорить, что это уже было — шубы в подарок. Что вы про это читали и в кино видели. Я же не виновата, что они шубы дарят. Такое было, видимо, поветрие в те годы... Или, может, им просто воображения не хватало — денег хватало, а воображения нет? Или, наоборот, девушкам повально не хватало шуб? Не знаю. Но я вам рассказываю как есть. Подарили шубу — я так и пишу: шубу. Не врать же?

Чувствовать себя женщиной, которой дарят такие роскошные подарки, было приятно. Но я понимала, что моя старая шубейка просто кричала во весь голос, что ей пора на пенсию, на заслуженный отдых, и самым откровенным образом провоцировала на замену себе... Не исключено даже, что Игорь сделалось стыдно за меня в ресторане — пришел, называется, с дамой... Или он просто почувствовал, что я ее стесняюсь. И «доставил себе удовольствие», как он выразился, сделать красивый жест...

Разумеется, мне следовало бы ее вернуть — больно уж дорого для ничего не значащего подарка. Такой подарок хочешь не хочешь, а сразу начинает значить, как только его увидишь... Я ждала Игоря с нетерпением, прикидывая, когда он объявится в следующий раз. Я придумала легкий, небрежный жест, которым я отдам ему пакет с шубой, и суховатую, но и без лишнего лицемерного нажима интонацию, с которой я скажу: «Я очень тронута, но это ни к чему».

Однако он не приходил. Я, конечно, ему поверила, когда

он сказал, что меня это ни к чему не обязывает. Он не стал бы требовать «платы» натурой, он же не смуглый дядька с рынка. Но чтобы он совсем, ну совершенно ни на что не рассчитывал? Абсолютно не интересовался мною? В это я поверить не могла. Придет. Пусть через месяц, но придет.

Прошел месяц, за ним потянулся другой.

Игоря я не искала, чтобы подарок вернуть, — не хотелось у Вадьки выпрашивать про дядю и посвящать его в эту историю — но и шубу не носила. Не знала, что делать. В конце февраля шарахнули такие морозы, что я решилась и надела шубку. Только один раз, она все равно была, как новая, мне бы это не помешало ее вернуть...

Но Игорь не появлялся. Он не звонил, не стерег меня после школы.

Он пропал.

Через год, когда он появился снова на горизонте, было уже как-то нелепо отказываться. Я только сказала ему между прочим: «Спасибо. За шубу, я имею в виду...»

Он появился так, будто мы расстались только вчера. С какой-то непонятной мне уверенностью, что за этот год у меня не случился роман с кем-нибудь другим, словно я обещала ему его ждать и, вне всякого сомнения, сдержала обещание. Появился опять под Новый год и пригласил меня на дискотеку. В новогоднюю ночь я идти отказалась, чтобы не оставлять маму одну, зато на следующий день согласилась.

Он ухаживал красиво. Ненавязчиво, всегда оставляя какое-то неудовлетворенное желание побыть еще в его обществе.

Он был прав, меня только так и можно было взять.

Собственно говоря, когда мы с Игорем уже сблизились, я поняла, что основным его достоинством была именно дипломатичность — он точно чувствовал самых разных людей и умел найти ключ к самым разным характерам. Видимо, именно благодаря этому качеству он так быстро сделал свою карьеру...

Не знаю толком, чем он занимался. В нем нуждались все — политики, банкиры, ученые. Его просили о каких-то услугах и коммунисты, и демократы, и старые чины, и новоиспеченные — люди самые разношерстные, но видные. Он был веж-

лив и обаятелен со всеми, сдержан, не фамильярен, но очень мил. Меня эта его способность восхищала и завораживала. В нем был класс, и я влюбилась. Нравилось решительно все в нем: и его нужность всем, и его легкое обаяние, и умение сделать вашу жизнь красивой, и серьезность его загадочных дел. Мне нравилось, что он взрослый мужчина, а не мальчишка. Может, это шло от моей безотцовщины? Не знаю... Кому интересно, может почитать вместо моего романа труды доктора Фрейда.

К тому же в постели... Как бы так выразиться поделикатнее... У Игоря и в этом деле был класс. Я не сумею объяснить, откуда я это знаю, опыта у меня не было, чтобы сравнивать. Отдаваясь ему, я была девственницей и только несколько раз целовалась с разными парнями... От них, от мальчишек, исходил детский запах. Их гладкие, юные, безволосые тела, нежная молодая кожа, неуклюже, отдельными волосками прорастающие бородки, их торопливые, нервные жесты, желание показать и доказать свою умелость вызывали во мне что-то сродни отвращению — мне начинало казаться, что мне самой так лет тридцать, и я соблазняю малолеток, пахнущих молоком.

Игорь же умел *все*, но не торопился мне демонстрировать свою просвещенность в вопросах секса. Он терпеливо, нежно, шаг за шагом вел меня к тому, чтобы я сама открыла себя, свои желания, свое тело. И каждый новый день, каждая новая ночь становились для меня открытием...

Короче, я в него влюбилась, и это обстоятельство перевернуло мою жизнь. Хотя я неправильно выразилась: не перевернуло, нет — нечего было и переворачивать. В институт — поступала я, как все придурки, на экономический — я провалилась. Записалась на подготовительные курсы, но мне было чудовищно скучно всем этим заниматься. Будущего своего я не видела, экономика мне представлялась делом исключительно тоскливым, но я знала, что надо получить образование и зарабатывать деньги...

Игорь вклинился в мои смутные и скучные планы предложением переехать к нему.

— Если хочешь, можем пожениться, — добавил он.

Он сказал это примерно таким голосом, которым предла-